

Ур84
Р94
А-396536

Павел Рыков

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ВЕТРА

Op 84
p 94

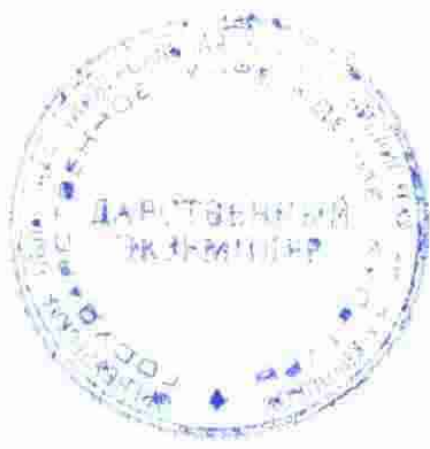
Павел Рыков

Op 84

84(2=41.2)6-4

а-396536

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕТРА

Пять повестей

Государственное бюджетное учреждение «Консультант»
Москва
2022
«Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской»

4/17

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕТРА

повесть

*«Идёт ветер к югу. И переходит к северу, кружится,
на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя»*

Екклесиаст (1, 6)

— Та-а-а-щи! Упу-уу-сти-им!

— Подсаачник, подсачник завооодии!

По поклёвке, по натягу чувствовалось: взялся не сазанчик пустяшный, но сазанище. Не выкормыш, невесть чем потчеванный в нагульном пруду, но природный, свободного проживания, из гордецов гордец, властитель здешних вод. Другого такого не сыщешь в реке от устья до истока. Самодержавный Сазан Сазанович! Тут — он главный! И сам себя в таковских числит, и все иные-прочие его почитают главным; И прогонистые щучки, стоящие палками под берегом среди придонной травы в ожидании добычи по зубам, и тушистые сомы, распластавшиеся под корягами, и всякая прочая речная шелупонь, вроде сопливых, колючих ершишек, о которых думать, кроме как, сплёвывая, не стоит. Он ещё волен здесь, у себя в реке, где ему определено сазаньим всевышним нагуливать мяса. Дышит свободно, хотя от натуги жаберные щиты ходором заходили. Да, сглупил, польстил на блазнящее, но привада оказалась с колючим подвохом.

Сглупил! Ох, сглупил! Но, ничего... Река не выдаст, хотя уже изрядно пообмелела, пока он матерел, наливался силой, набирал сазаньи стати. И коряг нанесло по руслу пуще прежнего, и песчаные перекааты лижут реку всё удлиняющимися жёлтыми языками, а кое-где и куга завелась по самой середке, можно сказать, по самому по стяжню. А всё же река-матушка, река-кормилица катит, поспешает. Всё ещё бурлива, особенно вёснами. Куда без неё! Река, пока жива, без пропитания никого не оставит. Струи речные влекут всяческую снедь. Можно жить — не тужить. А он, сазанья его голова, польстился вотще на нечто не нашенское, и сейчас его, владыку, вываживают из родного и столь привычного мира. Уже явственен предел мироздания: сквозь бликующий свод его Вселенной проступают размытые пятна. Там движется нечто неизъяснимое, чему и определения нет на его сазаньем наречии. Звуки оттуда проникают сквозь воду вовсе чуждые, омерзительные, потусторонние. Но вся мощь ещё при нём. Эй, вы там! Слышите: при мне! Да! Вот так-то! Я сейчас!!! Осталось собраться с силами, ударить хвостом, и несносная, болючая эта колючка не удержит никогда и нипочём. А там — на самую глубину, вниз, где ему никто на указ. А-а-а-а! Больно-то как! Как больно...

Самое забавное, Олег ощущал себя одновременно и ловцом, вываживающим из реки клюнувшую рыбу, и столь же явственно сазаном, засосавшим комок привады, сладко пахнувший чем-то не тутошним, не речным. Откуда ему, сазану знать: приманили его подсолнечным жмыхом. Господи! Подумать только — жмыхом! Отходом, по-правде сказать. Смехота! Стыдоба! А чего больше, не разбери-пойми. Но, ещё смешнее, орал-то его компаньон, откуда-то возникший рядышком в лодке с подсачником в руках и норовивший завести его снизу под кованного, с золотистым отливом, красавца, почти уже вытащенного из воды. Да-да, собственной персоной Сэмюэл Уайт — двухметровый выходец с Бермуд, чёрный, как сажа из каминной трубы, завзятый лондонский чистоплюй, всегда в ослепительно-белой сорочке и неизменном галстук-бабочке. Он, любящий рыбу только в жареном виде, — здесь, в уютной самостроенной плоскодонке, привязан-

ной к чигиню, посреди насквозь русской реки, о которой, конечно же, слышал только одно: тут добывают нефть в достаточных количествах.

— Приснится же такое! — подумал Олег и, улыбнувшись ещё раз негаданным сонным причудам, проснулся окончательно. Он уже и позабыл, когда рыбачил на реке, разве что тогда, боже — двадцать лет тому — летом, в незабвенном девяносто первом году. Тогда они с Тулей ещё продолжали любить друг друга? Или валять дурака? Хотя, она, дрянь этакая, скорее всего, делала вид, что нежится в его объятьях. Другой был у неё на уме, совсем иные утехи. Олег, как оказалось, всего лишь добирал чужие объедочки пламенных чувств. Нет, не о нём шла речь. И вообще, ни о чём таком речь не велась. Олег варил уху. Они поцеживали самогончик, выгнанный самолично Олегом из кизилового варенья и на кизиле же настоянный. С водкой-то были в стране проблемы — только по талонам. А запасы кизилового варенья с достославных времён оставались. И дистиллятор также имелся. Но речь не о самогоне, а о любви. Тогда он ещё верил, что в жизни всё славно. Однако, не понимал ещё, но чувствовал: в их отношениях что-то пошло не так. Не на словах, но в том, как она увертывалась, как пыталась избежать того, что требует молодое тело. Ах, если бы он знал... А о чём знать-то? чтобы знать, надо хотеть знать. А пока... Пока переждать, перетерпеть, переморгать и потому старательно продолжал делать вид, наивно по молодости полагая, что имитация — это тоже неотъемлемая часть супружеского ритуала, некая искупительная жертва на алтарь любви и семейного счастья. Но вскоре стало ясно, что ничто само собой не срастается. И любовь их, ещё со школьных лет, изначально яростная, взхлёб, на полночи страсти, полдня испепеляющих терзаний, утасла. словно остатки костерка, на который Олег помочился перед тем, как покинуть обжитый рыбацкий стан на крутом берегу реки. И то, что в стране вздулся и лопнул дурацкий путч, пока они разглядывали отражение облаков в воде, а следом утянуло в водоворот страну, словно распьянющего купальщика — всё пронеслось щомором. Да и как иначе; когда он чисто случайно,

по возвращении с рыбалки домой, обнаружил в Тулиной прикроватной тумбочке дурацкие, но крайне интимные почеркушки на бланках-четвертушках, которые стоят обычно у начальников на столе и предназначены для запечатления собственноручных резолюций. На заседаниях бюро горкома ВЛКСМ извергал их в невероятных количествах комсомольский предводитель Колянчик Вахонин. Почеркушки эти обращены были к ней, Туле. Особо, до боли сердечной ударила та, где упоминалась родинка. Та самая, в интимнейшем месте, о которой мог знать только он, муж! И не должен, не должен был, не должен знать никто, кроме него. Никто. И всё разбилось вдребезги и пошло прахом. До путчистов ли тут? До развала ли страны, когда в крутом кипятке оскорблённого чувства единовластного обладателя женского тела бесследно растворился сладкий любовный сироп. И, даже наловленную рыбу он тогда не удосужился толком провялить. Так и пропали полтора десятка добрых лещей.

Пока он спал, бортпроводница укрыла его пледом, он и разнежился. А горло, между тем, посаднивало — вот он, сазаний крючок! Дернул же его чёрт хватануть виски со льдом в VIP — ложе аэропорта, да потом ещё и догрызать кубики льда, не успевшего растаять. Отсюда и сон. Но, каков Сэм, кричащий по-русски, будто он не чёрный Сэм, а Сёма с чернозёма, матерно вопящий, хотя и полсловечка русского не знает!!! И русский язык во сне, которым в последние годы он сам пользовался всё реже и реже. Откуда бы? Приснится же...

Русские сны Олег не видел давным-давно. Вообще, сны редко ему снились. Если и снились, то безъязыкие. И бессвязные: неясное мелькание, будто несётся он в туннеле подземки и смотрит на фрагменты стены, выхватываемые из тьмы отсветом из вагонного окна. И дома у себя, и в повседневной деятельности русский язык если и был востребован, то крайне редко и только по делу, как один из возможных, скажем так. Вверженный в неостановимую круговерть проектов, которые охватывали пространство от Западной Африки до Норвегии, он говорил и старался думать исключительно по-английски. Со временем необходимость

старания отпала. Он перестал контролировать себя. И какая-нибудь английская идиома жила в его сознании именно так, будто он родился и вырос с этой идиомой, шуточкой незатейливой, вроде той, что услышал вчера мельком в Хитроу. Кстати сказать, русского в нём редко кто сходу угадывал. И это радовало. Избыточная русскость мешает-таки вести серьёзные дела в Европе. Журналисты тамошние исполняют свою работу вполне профессионально. Всякий прохвост, вырвавшийся с бескрайних просторов бывшего СССР и пугающий швейцарского или бельгийского обывателя своими махинациями, обязательно, преподносится, как трикраты русский, такой несносный русский, будь он вовсе из незалёжного Бердичева, или самоопределившейся Кзыл-Орды.

Бортпроводница заметила, что он проснулся, подошла и спросила, не хочет ли мистер чего-нибудь? Она склонилась, чтобы лучше расслышать ответ и Олег заметил, что грудь её в меру велика и, кажется, туга. Именно такие груди он и любил. Он попросил апельсинового сока. Она кивнула и пошла за соком той особой походкой, которой умеют ходить только русские бортпроводницы. Он был готов поклясться, что слышит, как еле слышно задевают одна за одну её ноги в туго обтягивающих чулках телесного цвета, издавая особый звук трущихся друг о друга дорогих чулок, который всегда так его возбуждал. Стюардесса вернулась с бокалом оранжевого сока, в котором плавали — чёрт побери — два кубика льда и спросила у Олега, не испытывает ли он желания поужинать, ведь сразу после взлёта мистер задремал. Видно, она томилась, бедная. В бизнес-салоне пассажиров было всего двое; Олег и осанистый православный батюшка, уставившийся в тёмный иллюминатор с таким напряжением, словно ожидал увидеть нечто, выходящее за рамки обычного представления о материальном мире. Олег с несколько шутливой интонацией ответил, что хотел бы поужинать, но только не в самолёте, а с ней в каком-нибудь кабачке в городе, сразу после полёта. Предложение звучало неприлично, и на Западе могло дорого ему обойтись, но это была родная страна и во всех смыслах родная, и бортпроводница родная, всего

лишь с англоязычным бейджиком. Правда, говорила она славно, почти без акцента. Larisa — прочёл он имя вслух, несколько враспяжку. Она в ответ поинтересовалась его именем. Олег назвал и заметил, как русское его имя вызвало некое мгновенное разочарование, краткое, будто фотовспышка, словно она ждала в ответ какого-нибудь Роналда или Энтони, или ещё нечто подобное, но никак не русское, не отечественное. Однако, Larisa явила замечательную вышколенность и полную профпригодность к работе по обслуживанию первого салона. Вспышка, явившись на миг, тут же и погасла. Но в лице всё равно что-то изменилось, и она уже на русском переспросила о желании поужинать. Смешно было продолжать по-английски. Но Олег решил немного повалять дурака, изобразив непонимание: — Sorry? — И вновь у этого кусочка отборного женского мяса в бордовой униформе что-то на момент отразилось в глазах: «А вдруг он и вправду не наш, а только имя наше. Их, иностранцев не поймёшь. Олег вполне может быть Алек...». И вновь переспросила про ужин, но по-английски.

Конечно же, никто его не встречал, кроме «диких», судя по всему, таксистов. Сразу трое забормотали: «Такси, такси в город. Недорого. Такси-такси». На их призывы Олег не среагировал — одеты они были так, будто только что вылезли из-под машины после ремонта. Батюшка, летевший рядом, также «дичков» проигнорировал. Он шествовал степенно, а его чемоданище на колёсиках катил следом встречавший его человек, лицом и статью похожий на вышибалу из заведения с сомнительной репутацией. У самого выхода из аэропорта Олег среди прочих произвольно, будто кто-то ткнул его шилом, выделил для себя невысокого человечка в притемнённых, несмотря на ночное время, очках, одетого, в отличие от прочих, вполне аккуратно, при галстукке, в наглаженных брюках. В правой руке человечек держал ключ и пульт от машины.

— Такси? — спросил Олег.

Человечек кивнул утвердительно.

Мимо стайкой проследовали бортпроводницы с рейса и среди них Larisa. Хороша попочка — загляденье, жаль, не до неё —

не за тем он сюда возвращался; предстоял процесс ликвидации всего, что связывало его с этим городом — дело муторное, тошнотворное, с учётом российских реалий. Заниматься этим не хотелось, но не заниматься нельзя.

Слётного поля, за которым в непроглядной темноте угадывалась степь, задувал довольно сильный ветер. Он ощутимо подталкивал в спину, норовил задрать подолы у женщин и они придерживали их. Вот и батюшка прижимал камилавку к голове. Пирамидальные тополя, росшие вдоль дороги, сопротивлялись насилию, но всё равно вынуждены были покоряться порывам ветра.

— Я дома, — подумал Олег, — ощущая знакомые с детства порывы степного ветра, напитанного ароматом сизой полыни, прокаленной на солнце пыли. Когда-то, в далёкие, советские времена самодеятельный поэт-романтик даже песню сложил про табун из семи неудержимых степных ветров и гривы их разноцветные, развевающиеся по-над степными увалами.

— Поехали?

И они пошли к машине. Водитель впереди, чуть припадая на левую ногу, Олег следом, катя чемодан, пощёлкивающий на стыках плиток, которыми вымощена площадь перед аэровокзалом. Подошли к «Фольксвагену». Водитель открыл багажник, поставил чемодан. Сели, водитель вставил ключ зажигания в замок, повернул его, машина чуть приметно вздрогнула и завелась. И они поехали. Олег селя рядом, на переднее сиденье, что обычно не делал там, на Западе. Скопив взгляд, заметил брелок, прикреплённый к ключам. Это была пятиконечная, словно бы светящаяся, звезда, но не такая, как на кремлёвской башне, а пентаграмма.

— Воспоминания о стране советов? — спросил он, с несколько ёрнической интонацией в голосе.

— Да это.. хе-хе... фирменная штучка. — водитель чуть повернулся к Олегу и посмотрел сквозь тёмные очки, которые так и не снял. — Положено... У нас так... Это... Хе-хе.

Шоссе в сторону города стало неузнаваемым. Прежде — довольно ухабистая двухрядка, а теперь вполне европодобное,

освещённое фонарями, размеченное по всем правилам. По два ряда навстречу друг другу, отбойники посередине с катафотами.

— Не впервой у нас.. Хе-хе. — Полувопросительно, с каким-то странным подхихиканием, сказал таксист.

— Приходилось ...

— Давно не были?

— Порядочно. — Неопределённо, через паузу, ответил Олег, которому не очень хотелось втягиваться в беседу.

— Не узнаете? — Голос таксиста был вроде бы знаком. Нет, просто показался знакомым. Да и с чего бы Олегу узнавать этого человечка. Ещё и очки в пол-лица. Он пожал плечами.

— Вот, — сказал таксист как бы, между прочим. И оказалось, что спрашивал он не о себе. — Вот-вот-вот! Никто не узнаёт. Отец Родной, потому что удостоил посещением. Хе-хе. Теперь и мы ездим, как, хе-хе, претенденты в президенты. В прошлом году стали гадать: чего бы это вдруг засуетились, забегали, машин с медведями понаехало...

— Какими медведями? — удивился Олег.

— Медведи ядросовские на эмблемах, а машины дорожников, которые асфальт кладут. Все машины зверюгами облепили. И работягам спецовки буквами расписали: ЕР да ЕР. Только буквы ХЫ не хватает. И, значит, разговоры: родная партия город о-о-благора-жива-ит. Хе-хе-хе... А потом дотумкали: суета к приезду Отца Родного, и по каким улицам повезут — тоже известно. Их-то и асфальтируют, полируют. Начальство только языком не облизывает. А в сторону сверни — колдоёбины. У-е-хе-хе... но не без пользы приезд оказался, не без пользы. Едем — не покачивает. Хе-хе-хе!

— А ядросовские — это чьи?

— А вы разве не за них голосуете? — видно было, что таксист напрягся, ожидая ответа.

Олег подумал, что в лондонском кэбе он навряд ли бы услышал подобный вопрос от водителя. Но то — в Лондоне. И ответил чистосердечно: «А я не голосую». И это была правда. Странно, а то и невозможно, нестись где-нибудь в Нигерии, через территории, где постреливают, в посольство, чтобы отдать

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26